

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ

УДК 811.1

Н. С. Коваленко

ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ИМЕННОМ СКЛОНЕНИИ

Древняя система именной классификации, отразившаяся в исторические эпохи в виде наличия определенных типов основ, представляет значительное единство для всех индоевропейских языков. На определенном этапе доисторического развития индоевропейских языков сформировалась двучленная классификация, основанная на оценке всех предметов и явлений по той роли, которую они играли в процессе деятельности человека и познании им окружающего мира. Трехчленная родовая классификация сформировалась позднее. Отголоском существования древней индоевропейской категории одушевленности/неодушевленности является существование склонений существительных на определенные основы на более позднем этапе развития индоевропейских языков.

Ключевые слова: *индоевропейское именное склонение, основообразующий формант, семантический признак, категория одушевленности/неодушевленности, родовая дифференциация, этнокультурная значимость.*

Во всех индоевропейских языках в их древнейшем засвидетельствованном виде имеет место чрезвычайно многообразие типов склонения в зависимости от распределения лексического материала по определенным группам основ. Мало что известно о грамматической функции основообразующих суффиксов, кроме того, что они служили для создания различных типов именного склонения и заключали в себе какой-то признак группировки существительных (например, основообразующий суффикс *-г-* объединял группу существительных, обозначающих термины родства). В индоевропеистике предпринимались попытки связать деление существительных по основам с общностью их семантики [1, с. 431; 2, с. 49–55; 3, с. 25].

Тезис о том, что деление индоевропейских именных основ по группам в соответствии с различием основообразующих суффиксов восходит к древней номинальной классификации, пользовался популярностью в советском языкознании 30-х годов [4, с. 57]. Четкая формулировка этого тезиса была дана профессором В. М. Жирмунским, который считал, что на более древней стадии развития индоевропейских языков основообразующие суффиксы имели какое-то более специальное значение. По его мнению, сравнение с другими, более примитивными языками позволяет с некоторой вероятностью полагать, что эти первичные словообразовательные элементы имели значение так называемых классных показателей групп существительных, на которые для примитивного сознания распались все предметы общественного опыта и тем самым все слова-понятия, обозначающие эти предметы [5, с. 128].

Многообразие основообразующих суффиксов является отражением древней именной классификации, характеризовавшей индоевропейские языки в период, предшествовавший оформлению системы склонения. Классификация эта, по-видимому, напоминала классификации, существующие и в настоящее время в ряде неиндоевропейских языков, например в части африканских и северокавказских языков. В их основе лежит дифференциация всех предметов окружающего мира на группы по определенным признакам в зависимости от места, занимаемого ими в процессе деятельности человеческого коллектива и познания им окружающей действительности. Часто критерии отнесения слова в ту или иную классную группировку не всегда устанавливаются достаточно четко [4, с. 58]. На основании сравнения с языками других систем А. В. Десницкая говорит о том, что «...индоевропейские именные основы, возможно, представляют собой пережиток древней классификационной системы. Однако доказать такое предположение очень трудно, так как в исторически засвидетельствованные эпохи индоевропейских языков именная классификация по типам основ, восходящая к периоду, предшествовавшему развитию падежной системы, уже давно, по-видимому, не ощущалась как живая категория. Таким образом, принципы деления существительных по основам были непонятны. Некоторые типы основ постепенно вымирали (например, согласные основы, кроме *-n*, и основы на *-и* в германских языках), а слова, принадлежавшие ранее к этим типам, переходили в другие группы, более распространенные (например, массовый переход существительных с основой на *-и* в гер-

манских языках в склонение на -i и аналогичные процессы в других языках). Некоторые же типы, наоборот, расширяли свое употребление, и их показатели приобретали функции продуктивных словообразовательных суффиксов независимо от их прежней роли в системе древней именной классификации. Таково происхождение ряда распространенных суффиксов абстрактных имен в греческом, например: -es- в τὸ βάθος «глубина»; суффиксов nomina agentis греческого и санскритского -g- в ὁ δωτήρ, dātā «податель», германского -n- в гот. arbja «наследник»...» [4, с. 59].

Однако все же представляется возможным установить некоторые этапы древней классификации. Так, например, выдвинутое А. Кюни объяснение группы имен с основами на -u как категории парных предметов представляется вполне убедительным в отношении обозначений некоторых парных частей тела, действительно характеризующихся в ряде языков с помощью показателя -u-: греч. γένυς, гот. kinnus «щека», греч. γόνυ, лат. genu, гот. kniu «колени», лат. manus, гот. handus «рука», гот. fotus «нога» [6, с. 450]. В известной мере можно принять объяснение А. Кюни и в отношении прилагательных на -u, представляющих собой как бы часть двухчленного противопоставления, например греч. βραδύς «медленный» – ταχύς «быстрый». В применении к остальным типам основ на -u объяснения, выдвигаемые А. Кюни, представляются гораздо менее доказательными. Тем не менее нельзя забывать, что и в классическом примере именной классификации – в системе классов банту – в большинстве случаев не удается установить единый признак, характеризующий определенную группировку [2, с. 50].

Другие типы именных основ в индоевропейских языках еще более сложны для понимания. В древнейших языках, в первую очередь в греческом, а также в латинском и санскрите, обращают на себя внимание так называемые корневые основы типа греч. ὁ μῦς «мышь», ὁ παῖς «дитя», ὁ κλώψ «вор» и другие. Эти слова не имеют специального основообразующего суффикса, следовательно, как бы формально выпадают из системы именной классификации, характеризовавшей определенный период в доисторическом развитии индоевропейских языков. Эти образования выступают как архаизмы (например, гот. nahts «ночь», baurgs «крепость»), переходя постепенно в другие типы склонения [2, с. 50].

По своему значению эти слова выделяются как одна из наиболее архаичных частей словаря. Большую часть их в греческом языке составляют названия животных: ὁ, ἡ αἶξ «козел, коза», ἡ γλαύξ «сова», ὁ γρύψ «гриф», ὁ μῦς «мышь» и другие. Сюда же можно отнести ὁ, ἡ παῖς «дитя». Значи-

тельную роль в этой группе играют также названия частей тела: ἡ θρίξ «волос», ἡ ἰς «мускул, жила», τὸ οὖς «ухо», ὁ ποῦς «нога», ὁ σπλήν «селезенка», ἡ χεῖρ «рука» и другие. К корневым основам также относились еще несколько слов типа ἡ φλόξ «пламя», ἡ χθών «земля», ὁ μῆν «месяц», ἡ νύξ «ночь», а также имена, представляющие собой архаичные причастные формы со значением действия и действителя: ἡ ὤψ «взгляд, вид», ὁ κλώψ «вор». Таким образом, обнаруживается целая группа образований, древнейших по своей форме, а также и по значению, позволяющему установить наличие определенных семантических группировок. Возможно, что в состав системы именной классификации эти слова вошли как особая именная группировка, формально характеризующаяся отсутствием основообразующего суффикса. Не исключено, что и сама эта группа представляет результат слияния каких-то более дробных группировок [2, с. 51].

Образования на -g, если оставить в стороне более поздние по своему происхождению продуктивные формы nomina agentis типа греч. δωτήρ «податель», также выделяются как архаичная группировка в составе индоевропейской системы склонения. По значению она обнаруживает известное единство. Согласно А. В. Десницкой, «...в ее состав входит, прежде всего, некоторое количество терминов родства: греч. ὁ πατήρ «отец», ἡ μήτηρ «мать», ἡ θυγάτηρ «дочь», ὁ κέλιος «сын» и другие, лат. sorog «сестра», санскр. nāptar «внук». Сюда же относятся названия некоторых частей тела человека и животного, такие как печень, вымя, жир, сердце, ладонь, кровь и другие, а также ряд греческих слов среднего рода на -as, обозначающих рог, мясо, тело, овечью шкуру и так далее; основы на -g и -as, обозначающие такие вещества, как мука, елейное масло, соль и другие; остальные основы на -g, обозначающие такие понятия, как кровь богов, чудовище, явь, сон, день, защита, знамение, чудо, богиня смерти, смерть огонь, вода, благоговение и другие...» [2, с. 51]. Поскольку все эти слова обозначали предметы и реалии либо играющие важную роль в обрядах жертвоприношения, либо так или иначе связанные с областью культа, то возможно установить единый семантический признак, объединяющий основы на -g в их древнейшем виде.

В морфологическом отношении большинство вышеприведенных индоевропейских образований представляют собой наиболее архаичные элементы словаря. Почти все основы на -g среднего рода характеризуются гетероклитическим склонением, то есть они образуют косвенные падежи от другой основы, обычно от основы на -n. Представляя собой, таким образом, исключения из разившейся на базе древней классификации по основам системы склонения, основы на -g постепенно поглощаются

другими, более продуктивными типами. Особенно это характерно для германских языков, почти полностью ликвидировавших некоторые группировки своей старой классификационной системы.

Если в отношении более древних по типу индоевропейских именных группировок удастся наметить какие-то отправные моменты для определения их семантики, то в отношении существительных с основой на *-es* в греческом и санскрите, на *-n* в греческом, германском и других, а в особенности с основой на *-o* и на *-ā* во всех индоевропейских языках, в определенный период изживания старых принципов классификации превратившихся в продуктивные словообразовательные суффиксы, дело обстоит гораздо сложнее. Употребление этих основообразующих формантов в качестве словообразовательных суффиксов в исторически засвидетельствованные языковые эпохи вышло за рамки древней именной классификации. Кроме того, эти расширившие свое первоначальное употребление именные группировки поглотили и поглощали в течение всего исторически засвидетельствованного развития индоевропейских языков слова, принадлежавшие к тем типам основ, которые не нашли себе места в системе именной суффиксации, развившейся на основе ликвидации и переосмысления старой классификационной схемы. В большинстве случаев невозможно установить критерий для определения принадлежности того или иного слова в древности действительно к классу, характеризовавшемуся данным показателем, а также решить вопрос о том, представляет ли оно собой более позднее образование по уже существующему типу или же перешло из другого типа основ. Особенно трудной эта задача является в отношении наиболее распространенных индоевропейских существительных с основами на *-o* и на *-ā*, для которых характерна многообразная семантика.

По мнению А. В. Десницкой, древняя система именной классификации, отразившаяся в исторические эпохи в виде наличия определенных типов основ, представляет значительное единство для всех индоевропейских языков. Она считает, что «...если оставить в стороне большую или меньшую продуктивность отдельных типов основ в том или ином языке, можно сказать, что система именных основ является моментом, структурно объединяющим морфологию именных образований в индоевропейских языках. На определенном этапе доисторического развития индоевропейских языков, когда старая именная классификация уже теряла свое значение, развился новый тип классификации – двучленная классификация, основанная на

оценке всех предметов и явлений по той роли, какую они играют в процессе деятельности человека и познании им окружающего мира...» [4, с. 66]. Двучленные классификации подобного типа характерны для целого ряда языков¹. Противопоставляемые категории могут носить самые различные названия: одушевленные и неодушевленные предметы, социально активные и пассивные, разумные и неразумные, лица и вещи, сильные и слабые, большие и маленькие предметы и другие. Их семантика может носить различный характер в зависимости от уровня общественного развития, исторической специфики говорящего коллектива и так далее [4, с. 67]. Но общей для всех этих типов является структура, основанная на противопоставлении двух категорий предметов, играющих различную роль в оценке человеком окружающей действительности. Не стоит забывать, что древние семантические группировки существительных являются продуктом длительного исторического развития, в течение которого оценочные критерии многократно менялись и переосмыслились, и включают в себя разностадиальные напластования.

Многие ученые отмечают, что трехродовой системе классификации существительных в индоевропейских языках предшествовала двухродовая, основанная на противопоставлении по признаку одушевленности/неодушевленности [7, с. 345–346; 8, с. 59–65; 9, с. 220–223; 10, с. 26], которая, как показал Г. А. Климов на материале языков активной типологии, уходит своими корнями к состоянию с противопоставлением активного и инактивного начал [11, с. 57, 163].

Как отмечает О. А. Осипова, сравнение с кетским языком в какой-то степени может помочь восстановить картину праиндоевропейского состояния [12, с. 13]. Это связано с тем, что в кетском языке наряду с зачатками деления существительных по родам сохранилось более древнее деление существительных на классы – одушевленный/неодушевленный или вещный/невещный [13, с. 63–64; 14, с. 160; 15, с. 161; 16]. К одушевленным именам в кетском относятся названия не только живых существ, некоторых частей тела и всего растущего, но и названия социально значимых предметов [17, с. 36; 18, с. 178; 19, с. 185–192; 20, с. 114–116].

В праиндоевропейском такого четкого деления существительных не прослеживается. Можно лишь наблюдать, что одни основы объединяют больше слов мужского рода (например, индоевропейские *o*-основы), другие – женского рода (например, индоевропейские *ā*-основы), некоторые основы содержат все три рода. Поскольку в праиндоев-

¹ Подробное их описание можно найти в работе Royen G. Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde. Historisch-kritische Studie mit besonderer Berücksichtigung des Indogermanischen. – Anthropos, IV. Wien, 1929.

ропейском двучленная оппозиция существительных (одушевленные/неодушевленные) уже была представлена, постольку она не должна была быть только чисто семантической категорией [12, с. 13]. Г. А. Климов полагает, что «...поскольку деление существительных на одушевленные/неодушевленные было свойственно языкам в основном активного строя, то можно предположить, что до создания системы склонения категория одушевленности, свойственная активным именам, выделялась какой-то маркированностью. Эта маркированность могла быть связана с основообразующими суффиксами, генезис которых относится к тому периоду активной типологии, в котором именная морфология не была отделена от словообразования, то есть к классному типу...» [11, с. 199]. Основообразующие суффиксы где-то перекрещивались со словообразовательными и, естественно, могли быть одной природы. Эта особенность использования одних и тех же формантов и для словообразования, и для словоизменения характерна для древнейшего этапа истории индоевропейской семьи языков, когда один и тот же формант выступал как в функции средства словоизменения, так и средства словообразования [12, с. 14].

Неоднократно высказывалось мнение, что в индоевропейских языках основообразующие форманты в имени играли классифицирующую роль [21, с. 204–210]. Вполне вероятно, что основообразующие показатели явились основой классификации имен по определенному семантическому признаку [22, с. 165; 23, с. 57–58]. Например, во всех древних индоевропейских языках очень четко выделяется класс слов, оформленных показателем *-r*, обозначающих родство [24, с. 529; 25, с. 125; 26, с. 206], или более широкая группа имен, относящихся к области культа [2, с. 51–52; 4, с. 61–62].

В настоящее время почти невозможно восстановить древние семантические основы деления существительных на мелкие группы. Однако можно обнаружить общие семантические признаки, согласно которым древние существительные делились на два больших класса: одушевленные и неодушевленные, что показала О. А. Осипова на материале готского языка [12]. Согласно ее исследованиям, класс одушевленных имен в основном маркировался консонантными показателями. Благодаря консервативности морфологического строя по сравнению с другими уровнями языка в парадигме склонения древнегерманских существительных открываются явления, которые, возможно, помогут расшифровать функционирование консонантных основообразующих формантов в парадигме склонения древнегерманских существительных. Основообразующие форманты с консонантными элементами являются реликтами более древнего

индоевропейского состояния [12], поэтому именно в них отразились следы классного и активного строения имени.

В связи с древностью языкового источника воссоздать семантические подгруппы имен, связанные с определенными основообразующими формантами, представляется затруднительным. Например, в древнегерманских языках наблюдается тенденция к унификации одного форманта и закрепление за ним обобщенного значения. Таким показателем является древнегерманское *-n*, которое взяло на себя функцию выражения одушевленности [27, с. 6].

Индущивающее действие одних основообразующих формантов и исчезновение других в индоевропейских языках говорят о тенденции к обобщенному выражению раздробленных понятий в этих языках. К такой группировке, по всей вероятности, относится деление существительных по признаку одушевленности/неодушевленности. Однако этот процесс, не достигнув своего окончательного развития в индоевропейских языках, был нарушен формированием категории рода. Зарождение грамматического рода было связано с самого начала с использованием для этой цели гласных основообразующих формантов [22, с. 168; 28, с. 175, 198]. По мнению ученых, древность возникновения основообразующих консонантных формантов бесспорна, так как они предшествовали появлению грамматического рода [29, с. 146; 22, с. 167–168].

Поскольку деление существительных по родам наложилось на более раннее деление существительных по основообразующему форманту, необходимо уделить внимание вопросу о соотношении основообразующих формантов с грамматической категорией рода и категорией одушевленности/неодушевленности.

Большинство ученых отмечают, что парадигмы склонения построены согласно основообразующему форманту. Так, например, древнегерманские языки сохранили деление существительных в парадигме склонения по основообразующему форманту, одновременно используя и родовой признак. Нередко существительные трех родов относились к одному и тому же типу склонения, то есть содержали один и тот же основообразующий формант, и имели одни и те же падежные окончания, хотя в древнегерманский период, характеризуемый письменными памятниками, наблюдается тяготение определенных основ к тому или иному грамматическому роду [30, с. 136–137, 139]. В хронологическом же плане деление существительных по основам предшествовало делению их по родам. Древнегерманские языки наследуют от общегерманского тесное переплетение родовой классификации с еще более древним членением их по основам [29, с. 146; 4, с. 66].

Трехродовой системе классификации существительных в индоевропейских языках предшествовала двухродовая, основанная на противопоставлении по признаку одушевленности/неодушевленности, которая уходит своими корнями к состоянию с противопоставлением активного и инактивного начал [11, с. 57, 163].

В настоящее время высказывается мнение, что деление существительных на «одушевленный» и «неодушевленный» классы характерно для языков классной типологии [11, с. 281]. Разделение существительных на эти два класса было свойственно не только языкам классного типа, но и языкам активного строя на начальном этапе [11, с. 173–174, 268–269, 312].

М. М. Гухман в отношении праиндоевропейского языка допускает существование в системе существительных «...бинарной оппозиции активного и инактивного классов, соотносенной и частично перекрываемой противопоставлением существительных по признаку одушевленности/неодушевленности» [31, с. 229]. Дело в том, что четкую грань между объединением классов существительных по признаку одушевленности/неодушевленности и активности/инактивности провести очень трудно, поскольку эти категории развивались постепенно, вбирая в себя все новые группы имен и как бы понижая одна другую.

По мнению А. Н. Савченко, для праиндоевропейского термины «одушевленный» и «неодушевленный» неточны, так как к активному классу принадлежали также многие имена, обозначающие неодушевленные предметы [32, с. 74–90].

О. А. Осипова признает, что термин «категория одушевленности/неодушевленности» не самый удачный, однако она объясняет его выбор следующими мотивами. Во-первых, это наиболее употребительный и традиционный термин. Во-вторых, в древнегерманских, как и в древних индоевропейских языках, сохранились остатки деления существительных на одушевленные и неодушевленные [33, с. 7–8; 34, с. 16–17]. Согласно исследованиям О. А. Осиповой к одушевленному классу можно относить такие имена, которые А. Мейе характеризует следующим образом: «...в индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым попадает под понятие одушевленного...» [7, с. 345]. Интересна мысль А. Мейе о том, что, «...если исходить из мышления полувцивилизованного человека, можно почти всегда объяснить, почему то или другое слово относится к одушевленному или неодушевленному роду...» [7, с. 346]. К одушевленному классу А. Мейе относит также «имена, обозначающие активные силы».

Поскольку деление на одушевленные и неодушевленные предметы в силу различных культур-

ных и религиозных представлений у индоевропейцев могло быть иным, поэтому, по мнению К. Шилдз, некоторые имена (ветер, солнце, мороз и так далее), обозначающие неодушевленные предметы, могли выступать в функции агенса [35, с. 226–227], что было свойственно лишь одушевленным существительным.

Дж. Кёрм также высказывался об одушевленном классе и утверждал, что древние индоевропейцы персонифицировали гораздо больше неодушевленных вещей, например: солнце, луна, земля, небо, море, звезды, кустарники, растения, цветы, деревья, реки, ветры, вода, огонь, действия, процессы и так далее [36, с. 553]. Можно предположить, что имена одушевленного класса отличались от неодушевленного не только своей семантикой, но и определенной маркировкой. Поэтому, рассматривая группы существительных, обозначающих одушевленные денотаты, важным признаком, по которому древние относили их к классу одушевленных, является их маркированность. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают, что «...к активным (одушевленным) денотатам древние индоевропейцы относили не только людей, животных, деревья и растения. Помимо имен с естественно-активными денотатами, к активному классу они относили и такие «неодушевленные» объекты, которые мыслились носителем языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К именам активного класса принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река, рок, судьба, доля, благо и другие...» [37, с. 274].

Вслед за О. А. Осиповой с именами одушевленными мы также связываем социальную значимость соответствующих денотатов [33, с. 9]. Это подтверждается исследованиями Г. А. Климова, который говорит о том, что в языках активной типологии происходит постепенная перестройка оппозиции по признаку общественно активных денотатов общественно неактивным [11, с. 211–212].

Существительные, относящиеся к одушевленному классу, как правило, входят в основной фонд древней индоевропейской лексики. А. Мейе называет следующие группы этой лексики: термины родства, зоонимы, фитонимы, соматическая лексика, названия некоторых вещей (топор, сосуд, названия металлов и так далее) [7, с. 391–408].

В лингвистической литературе отмечается, что основообразующие форманты широко представлены и в древнегерманских языках, то есть употребление их было унаследовано от общегерманского

языка, который, видимо, существовал как единый диалект. Ученые считают, что период его отделения от западной группы древних индоевропейских языков до сих пор является спорным вопросом, но приблизительно раннегерманский они соотносят с первым или вторым тысячелетием до нашей эры [38, с. 114–119; 39, с. 3–6; 40, с. 97–104, 106–107]. Возможно, что в общегерманском консонантные основообразующие форманты служили для выделения имен одушевленного класса, а два типа склонений (на согласные и гласные основы) какой-то период принимали участие в бинарном противопоставлении имен по признаку одушевленности/неодушевленности [33, с. 11].

Ф. Шпехт пытался установить связь между категорией одушевленности/неодушевленности и основами существительных в древних индоевропейских языках. В своем труде, посвященном возникновению индоевропейского склонения, он высказывает мысль о том, что родовые различия в существительных не связаны с основами, а представляют лишь вторичные явления по отношению к ним [41, с. 112, 117]. Г. Дечи также утверждает, что род играет второстепенную роль в системе парадигм склонения существительных [42, с. 44].

Интересна мысль Ф. Шпехта о том, что в разнообразии индоевропейских основ можно обнаружить различие по признаку одушевленности/неодушевленности. Он выделяет несколько групп существительных, обозначающих предметы, которые были в поле зрения индоевропейцев. Эти предметы не были многочисленны, но тесно связаны с человеком и его жизнедеятельностью. К ним относятся следующие группы: 1) созвездия, обозначение времени, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и другие; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений и изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и так

далее [41, с. 5]. Слова, обозначающие предметы в перечисленных группах, очень редко относились к индоевропейским *o-* или *ā-*основам. Как правило, они принадлежали к консонантным или гетероклитическим основам, в которых был представлен наиболее древний слой индоевропейского словаря [41, с. 6–7, 301–302, 306–307, 385–386]. Все эти реалии древние индоевропейцы одушевляли.

Известно, что деление существительных по основам в индоевропейских языках предшествовало родовой дифференциации [29, с. 146]. Л. П. Якубинский, описывая общеславянскую систему склонения, указывает, что в ней сохранился до некоторой степени «старый индоевропейский характер» [22, с. 164]. К таким пережиткам относится деление существительных на деklinационные группы вне зависимости от их деления по родам [22, с. 164, 167]. Он также говорит о том, что в основе первоначального деления имен на деklinационные группы лежал какой-то семантический признак, какое-то содержание, формой выражения которого были различные основы склонения [22, с. 165]. Следовательно, первоначально существительные классифицировались на основании противопоставления по признаку одушевленности/неодушевленности, а трехродовая система именной классификации возникла позднее.

Таким образом, отголоском существования древней индоевропейской категории одушевленности/неодушевленности является на более позднем этапе развития индоевропейских языков существование склонений существительных на определенные основы. Хотя каждый из основообразующих формантов с консонантными элементами обладает своей спецификой и, возможно, в своих истоках выражал более конкретное лексическое значение, впоследствии все эти форманты были объединены одним семантическим стержнем – служить для обозначения одушевленности.

Список литературы

1. Brugmann K. Gründriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg: Karl. J. Trübner, 1892. 1438 S.
2. Десницкая А. В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Известия АН СССР. Отд. яз. и лит. № 3. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 49–55.
3. Ильиш Б. А. История английского языка. Л.: Просвещение, 1973. 351 с.
4. Десницкая А. В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Изд-во АН СССР, 1984. С. 57–70.
5. Жирмунский В. М. История немецкого языка. Л.: Наука, 1938. 408 с.
6. Cuny A. Études Prégrammaticales sur le Domaine des Langues Indo-Européennes et Chamito-Sémitiques. Paris: Champion, 1924. 637 p.
7. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л.: Соцэкгониз, 1938. 510 с.
8. Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л.: Наука, 1967. 103 с.
9. Принципы описания языков мира. Институт языкознания АН СССР. М.: Наука, 1976. 343 с.
10. Кацнельсон С. Д. Типология языков и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 215 с.
11. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. 320 с.

12. Осипова О. А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск: ТГУ, 1980. 130 с.
13. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: ТГУ, 1968. 636 с.
14. Дульзон А. П. Общности индоевропейских языков с енисейскими в области склонения // Языки и топонимия Сибири. Вып. 4. Томск: ТПИ, 1971. С. 159–162.
15. Вернер И. Г., Вернер Г. К. Об одной енисейско-индоевропейской языковой параллели // Труды кафедр гуманитарных наук. Омск: Изд-во ОмГУ, 1968. С. 157–163.
16. Вернер И. Г. Категория рода в кетском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТПИ, 1972. 18 с.
17. Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. № 1. М.: Наука, 1974. С. 170–179.
18. Вернер И. Г. Вопросы именной классификации в енисейских диалектах // Вопросы филологии. Омск: Изд-во ОмГУ, 1969. С. 170–179.
19. Крейнвич Е. А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968. С. 139–195.
20. Крейнвич Е. А. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке // Вопросы языкознания. № 2. М.: Наука, 1961. С. 106–116.
21. Макаев Э. А., Кубрякова Е. С. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. М.: Наука, 1971. С. 204–210.
22. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1953. 368 с.
23. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. 306 с.
24. Dieter F. Laut- und Formenlehre der Altgermanischen Dialekte. Leipzig: O. R. Riesland, 1900. 790 S.
25. Kieckers E. Handbuch der Vergleichenden Gotischen Grammatik. Munich, 1928. 288 S.
26. Kluge F. Urgermanisch. Vorgeschichte der Altgermanischen Dialekte. Strassburg: K. J. Trübner, 1913. 306 S.
27. Казанцева Т. Ю. Сложные основообразующие форманты, их роль в формировании готских склонений существительных: дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТГПУ, 2000. 141 с.
28. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высш. шк., 1974. 410 с.
29. Гухман М. М. Историко-типологическая морфология германских языков. Т. 1: Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М.: Наука, 1977. 360 с.
30. Сравнительная грамматика германских языков / Отв. ред. М. М. Гухман и др. Т. 3. М.: Наука, 1963. 455 с.
31. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981. 248 с.
32. Савченко А. Н. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Лен. отд. АН СССР, 1967. С. 74–90.
33. Осипова О. А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в склонении древнегерманских существительных: дис. ... д-ра филол. наук. Томск: ТПИ, 1986. 416 с.
34. Осипова О. А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков: монография. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. 312 с.
35. Шилдз К. Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. С. 224–250.
36. Curme G. O. A Grammar of the English Language: Syntax. Vol.3. N.Y.: Heath and Co, 1931. 616 p.
37. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та. 1984. Ч. 1, 428 с., Ч. 2. 439–1328 с.
38. Сравнительная грамматика германских языков / Отв. ред. М. М. Гухман и др. Т.1. М.: Наука, 1962. 204 с.
39. Жирмунский В. М., 1971. Существовал ли «прагерманский» язык? // Вопросы языкознания. № 3. М.: Наука, С. 3–6.
40. Чемоданов Н. С. Германские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М.: Высш. шк., 1982. С. 91–115.
41. Specht F. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen: Vadenhock und Ruprecht, 1947. 423 S.
42. Decsy G. The Indo-European Protolanguage: a computational Reconstruction. Bloomington, Indiana: Eurolingua, 1991. 240 p.

Коваленко Н. С., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: contrast@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 22.04.2010.

N. S. Kovalenko

**THE REFLECTION OF THE CATEGORY OF ANIMATENESS / INANIMATENESS
IN ANCIENT INDO-EUROPEAN SYSTEM OF NOUN DECLENSION**

The ancient Indo-European system of noun declension was based on the division of substantives into groups according to the stem-building suffix. The ancient division of all objects of reality into two big classes (animated vs. inanimated) was reflected in the system of noun declension in the ancient Indo-European. The ground for grouping nouns into different types of declension was the common semantic principle of the ancient stem-building suffixes. Ancient substantives were semantically united on the basis of their treatment by the ancient people according to their role and place in the surrounding reality.

Key words: *ancient Indo-European system of noun declension, stem-building suffix, semantic principle, category of animateness / inanimateness, gender differentiation, ethnocultural importance.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.

E-mail: contrast@rambler.ru